

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СЮЖЕТ И ЕГО МОДИФИКАЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

О. А. Бердникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению своеобразия Рождественского сюжета в прозе И. А. Бунина. Прослежена динамика мотивов от ранних рассказов к произведениям 1910-х годов. Сделаны выводы о роли иронии в святочных рассказах, о соотношении традиционных сюжетных приемов и новых форм, об особенностях финалов.

Ключевые слова: И. А. Бунин, проза, рождественский сюжет, святочный рассказ, мотивы, модификации сюжета

Abstract: the article is devoted to identifying the originality of the Christmas plot in I. A. Bunin's stories. The dynamics of motives from early stories to works of the 1910s is traced. Conclusions are drawn about the role of irony in Christmastide stories, about the relationship between traditional plot and new forms, about the peculiarities of the finals.

Keywords: I. A. Bunin, prose, Christmas plot, Christmastide story, motives, plot modifications

Родившийся 150 лет назад в Воронеже И. А. Бунин, первый русский писатель, получивший в 1933 году Нобелевскую премию, своей жизнью и творчеством соединил два века русской литературы и несколько литературных эпох — «золотой век», Серебряный век и первую половину XX века. Писатель, впитавший мироощущение человека самой катастрофичной эпохи российской истории, глубоко связан с классической традицией, и при этом в высшей степени современен. Вынужденный, в силу исторических обстоятельств, половину «жизни земной» прожить на чужбине, Бунин и в эмиграции думал и писал о России, судьбе русского человека, а также трагизме бытия человека в мире. Возможно, в этом основная причина научного и читательского интереса к творческому наследию И. А. Бунина в наше время.

Вместе с тем исследовательский и читательский интерес к творчеству писателя в течение многих лет поддерживали труды отечественных и зарубежных ученых, подготовка и открытие музейных и библиотечных экспозиций и выставок, уже достаточно многочисленные экранизации его произведений. Один из новых способов популяризации творчества писателя — интеллектуальные игры для студентов и старшеклассников, в течение ряда лет проводимые на филологическом факультете Воронежского государственного университета.

Особенно значимы исследования последних лет, подготовленные и изданные в академических институтах — ИРЛИ и ИМЛИ РАН. В 2014 году в серии «Новая библиотека поэта» вышло академическое

издание двух томов его поэзии, над которым долгие годы трудились ученые ИРЛИ РАН [1]. В ИМЛИ РАН были подготовлены и изданы «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» в 2-х томах [2], составленная С. Н. Морозовым, а также вышедший в 2019 году сборник трудов «Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)» под редакцией О. А. Коростелева и С. Н. Морозова [3].

Обширна сфера научных векторов изучения творчества И. А. Бунина в современной науке: источниковедение и текстология, пересечения его наследия с модернистскими тенденциями, ставятся вопросы о мотивных и жанровых особенностях его поэзии и прозы, исследуются культурные коды. Большое внимание уделяется проблемам поэтики в разных аспектах, по-прежнему ведутся дискуссии о мировоззренческих основах его творчества, о связях (и взаимовлияниях) с писателями-предшественниками и современниками.

Свой научный вектор имеет и воронежская школа буниноведения, сложившаяся на протяжении последних двадцати пяти лет и обратившаяся к исследованию метафизической проблематики и форм ее художественного воплощения в поэзии и прозе И. А. Бунина. Периодически издаваемые сборники научных трудов «Метафизика И. А. Бунина» (2008, 2011, 2014, 2018) сформированы на основе материалов ежегодных Творческих мастерских, а также международных и всероссийских научных конференций, регулярно проходивших на филологическом факультета ВГУ.

Цель данной статьи — исследование в русле исто-

рической поэтики Рождественского сюжета как проявления метафизической проблематики и особенностей сюжета святочного рассказа в прозе И. А. Бунина.

Особый статус И. А. Бунина в литературе своей эпохи точно определил Вл. Вейдле: «Как поэт он принадлежит девятнадцатому веку, но как прозаик он старший из писателей, открывающих в нашей литературе двадцатый век» [4, 431]. Писатель всегда стремился передать особенности национального и народного сознания, согласно которому все происходящее с человеком от рождения до смерти соотносилось с годовым богослужебным циклом. В православном календарном цикле жизнь человека регламентировалась постами и Праздниками. По утверждению А. Шмемана, «... христианство, восприняв человека во всей его полноте, во всех его нуждах и чаяниях, восприняло и праздник — это, может быть, самое человеческое в человеке...» [5, 56].

В прозе Бунина представлены разные виды праздничных рассказов, однако Пасхальные рассказы в количественном отношении заметно уступают Святочным (Рождественским). В целом ряде рассказов писателя события маркированы временем перед Рождеством или Святками — святыми днями от Рождества и до Крещения. Рождественский сюжет характеризуется вполне определенным мотивным комплексом и жанровыми приметам.

Термин «рождественский сюжет» (пасхальный сюжет) вполне устоялся в литературоведении [6] и обнаруживает себя в наличии соответствующих евангельских образов и мотивов в «праздничных рассказах». В аспекте исторической поэтики в Рождественском сюжете реализуется Рождественский архетип, который И. А. Есаулов определяет как «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [7, 12]

Бунин, стремящийся исследовать глубинные основы русской традиционной жизни, особенно остро воспринял те духовные сдвиги в сознании русского человека, которые приводили к выхолащиванию духовного смысла Рождества.

В рассказе «Вести с родины» (1893) Святочные дни вспоминаются герою в связи с известием о смерти друга детства Мишки Шмыренка «от голодного тифа». Именно в Святочные дни на вокзале произошло «чудо» встречи Волкова с крестьянином Мишкой, отправляющимся на заработки. В душе Волкова рождается искреннее сострадание, он оказывает другу посильную помощь, что вполне вписывается в канон Рождественского сюжета. Но пришедшее спустя два месяца известие о смерти Мишки является той жестокой реальностью, о которую разбиваются мечты молодого человека о работе на благо народа и общества. Упоминание Святков в сюжете этого рассказа играет роль одного из мотивов повествования.

В ранних произведениях Бунина интересуют вписанность человека в социальное бытие, отсюда трагизм судьбы героев почти всегда имеет социальную подоплеку. Впрочем, социальная проблематика еще со времен Диккенса входит в святочный рассказ как его жанровая примета.

В рассказе «Учитель» (1894) Рождество заявлено в его первой фразе: «Накануне сочельника учитель земской школы в Можаровке, Николай Николаевич Турбин, занимался очень неохотно» [8, 57]. Судьба сельского учителя, устроившего безобразную пьяную пляску на Праздновании Рождества в доме помещика Линтварева, обусловлена его одиночеством, бедностью его существования, тоской по дому. Почти сказочная атмосфера богатого помещичьего дома, ласковое отношение хозяев вызывает в нем желание стать «своим», быть понятым окружающими его культурными людьми. Рождество здесь является основой сюжета, причем писатель использует традиционный сюжетный ход — бедный герой приглашен на Рождественский вечер в богатый дом, но вместо примирения сословий и чувства единения доминируют мотивы презрения и социальной неприязни к человеку более низкого сословия. Неприличное поведение на Рождественском вечере уничтожило репутацию Турбина в деревне, и от стыда и отчаяния он пускается в пьяный загул.

Однако оценки деревенских жителей, звучащие в финале, разнонаправлены. «Пропал малый!» — «с сожалением» говорит Кондрат Семенович, и это констатация настоящего и прогноз будущего. «Сирота небось! — задумчиво произнес печник» [II, с. 88] — это объяснение причины его гибели. Вместе с тем отец Турбина, старый больной дьякон с деспотическим характером, неоднократно упоминается в повествовании, и герой, все простивший отцу, в Рождественские дни мечтает его повидать. Однако эта попытка спасения от судьбы не осуществляется. Сиротство и бездомность учителя, хотя и обусловлены социальными причинами (у него нет денег на поездку), приобретают уже экзистенциальные смыслы: Турбин не смог стать своим ни в деревне, ни в дворянской среде, ни в среде заводской интеллигенции.

В начальных строках праздник Рождества заявлен и в рассказе «Поле» (1895): «Темнеет, к ночи поднимается вьюга... Завтра Рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки» [II, с. 89]. Однако и здесь уже в самых первых строках рассказа с рождественским сюжетом происходит разрушение жанровых канонов: так, образ сказочной рождественской метели у Бунина преобразуется в страшную вьюгу, пугающую двух стариков, так и не дождавшихся «чуда» приезда повара Судака и рождественских подарков. Вместе с тем тепло, покой и радость Рождества, хотя бы на короткое время, все-таки приходят в разрушаю-

щийся дом Якова Баскакова, скорее всего, это последнее Рождество в холодном, пустом, но родном доме. Рождественский сюжет позволяет Бунину усилить тему разоряющихся дворянских усадеб и разрушения традиционных установлений национальной жизни.

В 1900-е годы Бунин пишет единственный по настоящему светлый святочный рассказ со всеми его жанровыми и мотивными характеристиками — «Новый год» (1901). Именно 1901 год ознаменовался появлением первых шедевров Бунина, принесших ему всероссийскую известность: «Антоновские яблоки», «Сосны».

«Новый год» — уникальный для писателя рассказ, поскольку в нем описаны супруги, хотя и живущие «дурно», но именно в новогоднюю ночь очутившиеся в старом родном доме по пути в Петербург с юга и почувствовавшие, как они «нужны друг другу» [II, с. 223]. Происходит чудо — пусть временного — примирения супругов, попавших в сказочную атмосферу новогодней ночи. Они словно превращаются в детей, оказавшиеся в детской и проникнутые светлыми и добрыми чувствами, страхом перед темнотой, играми, чтением стихов А. С. Пушкина, детскими присказками, внезапно появившейся собакой, влюбленностью, красотой и тишиной ночного поля, пробежавшим лесным зверем. Но и в эту новогоднюю сказку вторгаются мысли героя (в рассказе повествование ведется от первого лица) о страхе перед будущим, о неизбежности возвращения в «мелкую» городскую суету, «о бессвязной и бессмысленной жизни».

В рассказах 1910-х годов заметно возрастает фиксированность событий жизни героев датами православного календаря. В более позднем творчестве Бунин видит причины духовного неблагополучия уже не в социальных, а в национально-психологических чертах русского человека.

На Святках произошли страшные события в рассказе «Ермил» (1912), зачин которого дан в сказочно-святочном духе: «В наших местах есть довольно большой лес, который зовут Островами. Вот что случилось в нем несколько лет тому назад, на Святках, когда караулил его некто Ермил, малорослый, коротконогий, морщинистый мужичишка» [III, с. 309]. Ермил убивает пришедшего к нему ряженого не столько от страха, сколько из желания убить, хотя писатель и мотивирует его поступок тяжелыми обстоятельствами крестьянской жизни. Но на первый план выходят иррациональные чувства, толкающие героя на преступление, причем именно в светлые святые дни. Отсюда пуантировка финальной фразы Ермила, помещенного на исправление в монастырь, но так и не раскаявшегося: «Дюжа я преступный», — говорит он с удовольствием» [III, с. 314].

Появление особого типа святочного рассказа в творчестве писателя со свойственной ему чуткостью и пронизательностью увидено Ю. Айхенвальдом, который пишет об «иронических святочных рас-

сказах». Такое определение критик дал «Святочному рассказу» — под этим заглавием появился 25 декабря 1914 года в газете «Русское слово» рассказ, позже переименованный Буниным и вошедший во все собрания сочинений под заголовком «Архивное дело». Ю. Айхенвальд отмечает в рассказах этого периода «язвительную иронию, писательскую желчность, печальную способность сарказма» [9, 193].

Уникальность этого рассказа заключается в том, что к святочному жанру он может быть отнесен по первоначальному заглавию и дате первой публикации, однако это святочный рассказ без Рождественского сюжета. Настоящее время в сюжете маркируется ноябрем, но некоторые сюжетные линии все-таки позволили писателю первоначально назвать рассказ, хотя бы и в ироническом плане, святочным. На уровне святочного чуда можно рассмотреть появление Фисуна, всю долгую службу просидевшего в подвале, на втором — господском — этаже губернской земской управы. Однако примирения представителей разных сословий не только не состоялось, но привело, в конечном итоге, к смерти героя.

Исследователи неоднократно указывали на прямые аллюзии к текстам русской классики — от «Шинели» Н. В. Гоголя до «Смерти чиновника» А. П. Чехова [10]. Однако Т. А. Никонова справедливо пишет о том, что это рассказ не о маленьком человеке, а «предчувствие «Окаянных дней», разрушительной силы либеральной лжи» [11, 163]. Бунин выбирает самый уничижительный сюжетный «ход»: два старика — блестящий «лев» Станкевич, только что говоривший о свободе и справедливости, и маленький глухой Фисун — сталкиваются в туалетной комнате, уравненные старческой немощью. И возмущение либерала Станкевича появлением Фисуна в господской уборной так напугало бедного архивариуса, что он умирает.

Позже, в «Окаянных днях», Бунин с гневом писал о либеральных деятелях, которым, «в сущности, было совершенно наплевать на народ... которого они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-Экономическое общество» [12, 101].

«Святочный рассказ» («Архивное дело») Ю. Айхенвальд противопоставляет рассказу «Святые» (1914) как более светлому и соответствующему жанру. Однако эти рассказы вполне сопоставимы по ироническому подтексту, который более скрыт в сюжете «Святых», что объяснимо его заглавием, по определению исключаящим иронию.

Святые дни в «Святых» угадываются по косвенным, но вполне узнаваемым признакам: «морозная ночь сверкала звездами», лес, «сказочно посеребренный луной», «горели праздничные лампы», обильный стол, множество гостей, танцы и музыка в гостиной, присутствие на праздничном вечере детей. Возникает вполне типичная и не раз описанная в про-

изведениях XIX века сценка из дворянской жизни: темная комната умершего хозяина, старый слуга — сказочник и / или хранитель старинных преданий, господские дети, тайком пробирающиеся в святочные вечера в запретные покои послушать чудесные истории. Именно присутствие детей, их вопросы и оценки смягчают бунинскую иронию, направленную не на житийные сюжеты, а на образ сказочника.

Так Арсенич гордится своим «слезным даром», «чувствительным сердцем», тем, что душа у него «не нонешнего века», ссылаясь при этом на валаамских старцев, которые не все этого дара «домогаются». Такая наивно-простодушная и вместе с тем чрезмерно завышенная самооценка уже вызывает ироническое отношение к герою рассказа. Это тем более очевидно, что в начале повествования дан разговор Арсенича с детьми, которых он уговаривает не говорить мамаше про «весь» выпитый графинчик водки и его слезы: «Это я не от этого-с... Сами извольте знать — не первый раз» [III, с. 478].

Вместе с тем для детей в «слезном даре» Арсенича, его простонародных рассказах, равно как в его «ужасном носовом платке», красном небритом лице, «дудке», таится элемент необычного, старинного, праздничного, почти чудесного, отсюда поэтизация повествования и образа Арсенича. Только Арсенич, хоть и на простонародный лад, но достаточно точно воспроизводит каноническое житие святых Вонифатия и Аглаиды, то есть наполняет святые вечера духовным смыслом.

Еще более возрастает иронический пафос Бунина в рассказе «Старуха» (1916), что во многом обусловлено временем его создания — событиями Первой мировой войны. Здесь, как и в рассказе «Святые», разделено пространство дома: гостиная — мир господский и кухня, где располагается старая кухарка. Но если в рассказах «Учитель», «Святые» в господских покоях все-таки праздник и веселье, то в «Старухе» господа скандалят, а старуха постоянно плачет — даже в Святочные дни.

Бунин усугубляет сюжетную коллизию «Святых», показывая трагическую несовместимость разных социальных пластов российской жизни в канун революции: мещанско-бытовой, народной и жизни культурной элиты. Так, у оборванного караульщика сыновья, «четыре молодых мужика», убиты на войне, а «в далекой столице шло истинно разливанное море веселия» [IV, с. 146]. Бунин с едким сарказмом рисует картины развлечений столичной элиты, причем синтаксически это оформлено в одном огромном предложении, начинаемом и завершаемом словом «плакала». Плач как лейтмотив повествования контрастирует с радостью святочных дней, этот плач есть экзистенциальное чувство скорби по падшему миру. Т. И. Скрипникова справедливо считает, что это самый моралистичный рассказ писателя — настолько наглядно явлено здесь ощущение подмены,

профанирования духовного смысла Рождества [13].

Особенностью Рождественского сюжета в бунинских святочных рассказах является новеллистический принцип построения сюжета, в основе которого необычное событие и неожиданный «острый» финал — «пуант» новеллы, содержащий явный или более скрытый моралистический вывод, выражающий авторскую позицию.

Светлая обстановка Рождества не способствует рождению в душах людей радости и любви — сюжет как бы сопротивляется жанровому канону, а чудо — непременный атрибут сюжета святочного рассказа — оборачивается нередко своей инфернальной противоположностью.

Отчужденность от духовного смысла Рождества в героях Бунина, представляющих разные сословия российского общества, есть точно угаданное писателем отчуждение от Бога, от сути Рождественского праздника как «самого человеческого в человеке».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин Иван. Стихотворения. В 2 т. / Сост. и примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательство «Вита Нова», 2014. (Серия «Новая библиотека поэта»).
2. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1910) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011; Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2017.
3. Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О. А. Коростылев, С. Н. Морозов. — М.: Литфакт, 2019 (Академический Бунин: вып. 1)
4. Вейдле В. В. На смерть Бунина / В. В. Вейдле // Иван Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 575–578.
5. Шмеман Александр, протопресвитер. Великий Пост / Александр Шмеман. — М.: Паломник, 2000.
6. См.: Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995; Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века / Х. Баран. — М.: Прогресс, 1993.
7. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004.
8. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 томах / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987–1988. Т. 2. В статье произведения писателя цитируются по этому изданию с указанием тома (римской) и страницы.
9. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М.: Республика, 1994.
10. См. ряд статей об этом рассказе в сборнике: «Воронежский текст» русской культуры: страницы истории и современность. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — Вып. 3.
11. Никонова Т. А. Рассказ «Архивное дело» в его отношениях с прецедентными текстами / Т. А. Никонова // «Воронежский текст» русской культуры: страницы

истории и современность. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015.— Вып. 3.— С. 158–163.

12. Бунин Иван. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Иван Бунин.— М.: Советский писатель, 1990.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: olberd@mail.ru

13. Скрипникова Т. И. И. А. Бунин — писатель-моралист (рассказ «Старуха») / Т. И. Скрипникова // Метафизика И. А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов.— Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018.— С. 150–160.

Voronezh State University

Berdnikova, O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature XX–XXI centuries, theory of literature and Humanities

E-mail: olberd@mail.ru